

УДК 343.1(09)

М. М. Якубель, кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь
e-mail: mayak81@list.ru;

П. Н. Рейба, старший оперуполномоченный по особо важным делам управления по г. Минску
главного управления собственной безопасности Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: reibanowar@gmail.com

ЗАДЕРЖАНИЕ ПО НЕПОСРЕДСТВЕННО ВОЗНИКШЕМУ ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В НОРМАХ СТАТУТОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Анализируются положения Статутов Великого княжества Литовского, регламентировавшие возможности задержания субъекта, подозреваемого в совершении преступления. Выявляются фактические и юридические основания задержания. Оценивается эффективность соответствующих норм и их влияние на последующее становление уголовно-процессуального института задержания лица по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления.

Ключевые слова: задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, основания задержания, процессуальный порядок, мера процессуального принуждения, памятник права.

M.M. Yakubel, Candidate of Juridical Sciences, Head of the Department the Criminal Procedure
of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
e-mail: mayak81@list.ru;

P. N. Reiba, senior operative for especially important cases of Minsk Department of the Central Department
of Internal Security of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: reibanowar@gmail.com

DETENTION ON A DIRECT SUSPICION OF COMMITTING A CRIME IN THE NORMS OF THE STATUTES OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

This article analyzes the provisions of the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania, which regulated the possibilities of arresting a subject suspected of committing a crime. The factual and legal grounds for detention are revealed. The effectiveness of the relevant norms and their impact on the subsequent formation of the criminal procedural institution for the detention of a person on a direct suspicion of committing a crime is estimated.

Keywords: detention on a direct suspicion of committing a crime, grounds for detention, procedural order, measure of procedural compulsion, monument of law.

Институт задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления имеет достаточно продолжительную историю своего становления. Анализ нормативных правовых актов, действовавших на территории белорусских земель в различные исторические периоды, свидетельствует о том, что первые значимые попытки закрепления норм о задержании лица, подозреваемого в совершении преступления, отражены в Статутах Великого княжества Литовского (Статуты ВКЛ).

Исследователи нередко обращаются к содержанию этих сводов законов, признаваемых «вершиной систематизации и кодификации права того времени» [3, с. 93]. Вместе с тем теоретическое осмысление имеющихся в них норм осуществляется учеными, как правило, исходя из тематики проводимых исследований. Так, Н. А. Суховенко одна из первых приступила к изучению регламентации темы процессуальных издержек по уголовным делам в Статутах ВКЛ [3], О. В. Коховец уделил внимание вопросам, связанным с развитием института обжалования, порядку обращения населения в судебные инстанции для восстановления и защиты нарушенных прав [5], А. А. Михневич и Т. И. Довнар исследовали положения, определяющие судебно-процессуальные правоотношения, в том числе институт адвокатуры [4], Р. Р. Алекперов рассматривал основания, условия и процессуальный порядок заключения лиц под стражу [1, с. 37–38]. Ретроспективный анализ Статутов ВКЛ провел Ю. П. Шкаплеров: им изучена правовая регламентация таких следственных действий, как осмотр и освидетельствование [14].

цесса по Статуту ВКЛ 1588 г. посвящена научная статья И. И. Басецкого и Л. И. Родевич [2]. О доказательствах, используемых в процессуальном законодательстве ВКЛ, писала П. М. Умарова [13, с. 112–113]. Правовые нормы, регламентировавшие такую меру уголовно-процессуального принуждения, как задержание, отчасти исследованы в диссертационной работе А. Г. Пурса. Он указывает, что в Статуте ВКЛ 1529 г. речь идет о захвате как противоправном отобрании какого-либо имущества. В Статуте ВКЛ 1566 г. современные признаки задержания автор усмотрел в ст. 14 разд. XII, где регламентирован порядок розыска и доставления в суд слуги, причинившего ущерб своему хозяину. В отдельных артикулах разд. XIV Статута ВКЛ 1588 г. А. Г. Пурс выявил прообраз института задержания в предусмотренной возможности поимки вора и проведения с ним разбирательства по обстоятельствам совершенного противоправного деяния [7, с. 12]. Учитывая, что анализ Статутов ВКЛ на предмет наличия норм, регламентирующих задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, не проводился, представляется целесообразным рассмотреть содержание указанных памятников права на предмет регулирования общественных отношений, связанных с реализацией данной меры процессуального принуждения, а также выявить основания и процессуальный порядок ее применения в период действия Статутов ВКЛ.

В Статуте ВКЛ 1529 г. нормы уголовно-процессуального характера, регулирующие задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, нашли свое отражение в разд. XIII «О воровстве». Так, ст. 1 названного раздела закреплялось следующее: «Если где паробки крадут в околицы а з лицом их поймають, которое лицо будет стояти полтины грошей, тогда мает каран быти яко злодей» [9, с. 124]. В рассматриваемом контексте под категорией «лицо» стоит понимать «поличное» [9, с. 237], т. е. вещественные улики кражи либо краденые вещи [8, с. 128], обнаруженные у субъекта, совершившего противоправное деяние.

Согласно ст. 11 упомянутого раздела в случае, когда «поличное» обнаружено в закрытом доме добропорядочного человека, но там имелось «плохо закрываемое окно», данное лицо могло отвести от себя подозрение своей присягой и присягой взрослых детей и жены о его непричастности к инкриминируемому преступлению [6, с. 52].

Приведенные положения позволяют констатировать, что в законодательстве того периода уже содержались нормы, предусматривающие возможность задержания лица, застигнутого непосредственно при совершении преступления, либо лица, при котором обнаружены явные следы, указывающие на его причастность к совершению преступления (отчасти сходны правовые основания задержания предусмотрены в п. 1, 3 ч. 1 ст. 108 УПК Республики Беларусь). Кроме того, была предусмотрена своеобразная гарантия защиты прав подозреваемых лиц, реализация которой допускалась при наличии ряда условий (добропорядочность человека, незапертое окно в доме, возможность принесения присяги).

Помимо прочего в рассматриваемом памятнике права отдельный порядок задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления изложен в ст. 5 разд. XIII, согласно которой лицо, обнаружившее ранее принадлежавшее ему имущество у чьего-нибудь слуги, наделялось правом осуществить его задержание [9, с. 211]. При указанных обстоятельствах задержанный доставлялся к своему пану для проведения разбирательства по делу.

Интересным представляется основание задержания лица, закрепленное ст. 16 исследуемого раздела. Суть его заключается в том, что подозреваемое в совершении преступления лицо могло быть задержано по прямому обвинению потомственного шляхтича. Последний был наделен правом обосновать свое подозрение в воровстве следующей формулировкой: «Я хорошо знаю, что тот твой человек – вор, и он мне причинил ущерб». Для подтверждения своих слов шляхтич приносил личную присягу с двумя соприсяжниками [9, с. 214].

Определенного внимания заслуживают положения, закрепленные ст. 13 разд. XIII указанного памятника права. Данной статьей регламентировано участие такого субъекта, как торпоста. Он являлся незаинтересованным участником процесса и выступал лишь в качестве гарантии подтверждения возникшего подозрения в отношении конкретного лица. Торпоста пользовался общественным доверием среди заинтересованных лиц, и по согласованию с ним человек мог быть заподозрен в похищении имущества и задержан. Нередко упомянутое согласование оформлялось в письменной форме и служило основанием к получению признания у подозреваемого

путем проведения пыток. Условием его получения выступало сообщение «сока» (доносителя) о том, что тот видел и знает о совершении преступления [9, с. 248]. В качестве дополнительного условия для задержания лица выступало наличие доказательств, указывающих на его причастность к совершению противоправного деяния [9, с. 213].

Наличие требования о письменном согласовании задержания свидетельствует о том, что Статутом ВКЛ 1529 г. помимо фактических оснований для задержания были впервые частично закреплены и юридические.

Анализ содержания Статута ВКЛ 1529 г. показывает, что институт задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления в современном его понимании, несмотря на фрагментарное закрепление, получил первые нормативные предпосылки своего зарождения: определены отдельные основания задержания, зафиксированы элементы алгоритма производства процессуальных действий с подозреваемым лицом.

Вместе с тем нормы Статута ВКЛ 1529 г. отразили значимость социального статуса потерпевшего и разделение людей по классовому принципу. Формальными основаниями для задержания среди прочего выступало внутреннее убеждение шляхтича, который мог сформулировать подозрение, подтверждая свои доводы лишь личной присягой, фактически не проверяющейся.

Последующая кодификация и систематизация норм права проведена перед изданием Статута ВКЛ 1566 г. Указанный правовой акт тоже содержал нормы, регламентирующие задержание. Так, в арт. 1 разд. XIV указано, что задержанного с похищенным имуществом следовало отвести к его пану для проведения первоначального разбирательства по делу [10, с. 201].

Одной из новелл Статута ВКЛ 1566 г. стал закрепленный арт. 2 разд. XIV порядок проверки виновности лица, совершившего противоправное деяние, задержанного по горячим следам («пойманъ будеть на злодѣйствѣ») либо с похищенным имуществом. В описанных случаях уполномоченное лицо при исследовании обстоятельств произошедшего должно было учитывать не только факт задержания подозреваемого на месте происшествия, но и наличие дополнительных сведений (доказательств), которые указывали на его причастность. Неустановление таковых гарантировало задержанному право на освобождение, так как задержания на месте совершения преступления было недостаточно [10, с. 312].

Сходные нормы закреплены арт. 17, 18 разд. XIV: если шляхтич выражал в отношении кого-либо подозрение в совершении преступления без достаточных доказательств, то он мог принести очистительную присягу. В этом случае задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления не осуществлялось по формальному признаку, как ранее было возможно по Статуту ВКЛ 1529 г.

Анализ содержания норм Статута ВКЛ 1566 г. позволяет сделать вывод о том, что регламентация задержания лица по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления постепенно обретает процессуальную форму, прослеживается определенный порядок действий с лицом, подозреваемым в совершении преступления, учитываются не только обстоятельства совершенного противоправного деяния, но и наличие доказательств, указывающих на причастность подозреваемого лица. Однако говорить о том, что задержание получило системную нормативную регламентацию, преждевременно, так как все еще отсутствует единый порядок производства задержания.

Дальнейшее развитие анализируемой меры принуждения нашло отражение в нормах Статута ВКЛ 1588 г. В данном памятнике права сохраняется преемственность отдельных положений Статута ВКЛ 1566 г., регламентирующих задержание. Согласно арт. 1 разд. XIV пойманный с поличным (с краденными вещами) доставлялся к пану. В арт. 17 предусмотрена возможность ограничения свободы и передачи заподозренного для получения показаний путем пыток на основании полученной информации от добропорядочных, заслуживающих доверия людей. Отдельно возможность задержания лица по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления изложена в арт. 12 «Об изнасиловании девушки и женщины» разд. XI [11, с. 429]. В содержании данного артикула, в сравнении со ст. 8 разд. XI Статута ВКЛ 1566 г., сделан акцент на возможность задержания лица при наличии очевидцев, если «люди прибежали

бы на то насиле». Указанная норма предполагает наличие субъектов, которые помимо того, что слышали крики жертвы, привлекая внимание, видели и сам факт совершения противоправных действий. В упомянутой статье законодатель фактически разграничил прибытие на место происшествия, непосредственное обнаружение, и, как следствие, захват заподозренного лица. Кроме того, Статутом ВКЛ 1588 г. предусмотрена поимка с поличным шляхтича в момент совершения разбоя (арт. 31 разд. XI: «был бы заразом на том розбою з лицом пойман») [11, с. 294]. Определяющим фактором возникновения подозрения в совершении преступления выступал именно тот момент, когда предполагаемый преступник был фактически застигнут на месте происшествия, а дополнительным аргументом являлось наличие при нем похищенного имущества. Положение данного артикула сходно с нормой, регламентирующей основание задержания, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК: «если лицо застигнуто при совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния или непосредственно после его совершения» [12].

Совокупность положений Статутов ВКЛ, определявших процесс и обстоятельства осуществления задержания подозреваемого лица, позволяют выделить основания применения исследуемой меры процессуального принуждения в рассмотренный исторический период. Так, задержание допускалось в случаях:

если лицо застигнуто на месте происшествия с поличным (с вещественными доказательствами);

если в результате преследования лица при нем обнаружены следы, имущество, указывающие на его причастность к совершенному преступлению;

если на подозреваемое лицо указали люди, относящиеся к категории добропорядочных и заслуживающих доверия.

Кроме того, отдельные основания задержания предполагали наличие следующих конкретных условий:

если на лицо, совершившее противоправное деяние, прямо указывает шляхтич под личной присягой с двумя соприсяжниками;

если получено письменное согласие торпоста при наличии сообщения «сока» о причастности подозреваемого лица к совершению преступления.

Помимо описанных ситуаций фактического задержания лица Статутами ВКЛ также предусматривалось такое процессуальное действие, как доставление, которое заключалось в передаче задержанного к его пану, который проводил разбирательство по обстоятельствам произошедшего. При этом в ходе разбирательства оценивалась не только информация о задержании, но и объем доказательств, указывающих на причастность лица к совершенному противоправному деянию. Таким образом, получил нормативное закрепление определенный алгоритм работы с задержанным лицом.

Проведенный анализ указанных источников права свидетельствует о том, что до вхождения современных белорусских земель в состав Российской империи законодателем уделялось постоянное внимание регулированию правоотношений, связанных с фактическим ограничением свободы передвижения и процессуальным оформлением задержания лиц, совершивших противоправные деяния. Сложившаяся в период существования Великого княжества Литовского нормотворческая практика помогла заложить правовой фундамент для дальнейшего развития правовых норм, регламентирующих институт задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления.

Список использованных источников

1. Алекперов, Р. Р. Зарождение, становление и развитие заключения под стражу на территории современной Республики Беларусь (дореволюционный период) / Р. Р. Алекперов // Труд. Профсоюзы. О-во. – 2018. – № 4. – С. 36–40.
2. Басецкий, И. И. Статут Великого княжества Литовского 1588 года об участниках уголовного процесса / И. И. Басецкий, Л. И. Родевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2008. – № 2. – С. 143–146.
3. Гридюшко, П. В. Регламентация процессуальных издержек по уголовным делам в Статутах Великого княжества Литовского (1529, 1566, 1588 гг.) / П. В. Гридюшко, Н. А. Суховенко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 2. – С. 93–97.

4. Доўнар, Т. І. Развіццё судова-працэсуальных адносін у Статуце 1588 года (да 430-годдзя прыняцця) / Т. І. Доўнар, А. А. Міхневіч // Суд. весн. – 2018. – № 3. – С. 66–71.
5. Коховец, О. В. Правовое регулирование порядка обжалования на территории Беларуси в период Великого княжества Литовского / О. В. Коховец // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2019. – № 2. – С. 223–226.
6. Первый Литовский Статут 1529 года = 1529 metų Pirmasis Lietuvos Statutas : материалы респ. науч. конф., посвящ. 450-летию Первого Статута, Вильнюс, 27–28 нояб. 1979 г. / Вильн. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: С. Лазутка (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс : Изд.-ред. совет М-ва высш. и сред. спец. образования Литов. ССР, 1982. – 152 с.
7. Пурс, А. Г. Задержание как мера уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Г. Пурс. – Минск, 2009. – 193 л.
8. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка : [в 3 т.] / И. И. Срезневский ; предисл. Г. А. Богатовой. – М. : Книга, 1989. – Т. 2. – Ч. 2 : П. – 854–1802 стб.
9. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Акад. наук Белорус. ССР ; под ред. К. И. Яблонска. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 253 с.
10. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо ; рэдкал.: Т. І. Доўнар [і інш.]. – Мінск : Тэсэй, 2003. – 250 с.
11. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 573 с.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. // іlex : информ.-правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
13. Умарав, П. М. Доказы ў працэсуальным праве Вялікага княства Літоўскага / П. М. Умарав // Беларусь на пути устойчивого инновационного развития: проблемы теории и практики : материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов, Минск, 11 мая 2007 г. / редкол.: С. Ф. Сокол [и др.]. – Минск, 2007. – 390 с.
14. Шкаплеров, Ю. П. Правовая регламентация осмотра и освидетельствования по Статутам Великого княжества Литовского / Ю. П. Шкаплеров // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та ім. А. А. Куляшова. – 2012. – № 2. – С. 76–82.

Дата поступления в редакцию: 30.09.2021